

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 766-778, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'373

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Репрезентация гендера в лексической системе башкирского языка

Линара Камиловна Ишкильдина¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ишкильдина Л. К., 2020

Аннотация. *Введение.* В башкирском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует категория грамматического рода, которая эксплицитно связана с гендерной характеристикой одушевленных существительных. Существуют только лексические средства обозначения принадлежности к тому или иному полу. *Цель* исследования — анализ лексических средств, участвующих в репрезентации пола (гендера) в башкирском языке. *Материалы и методы.* Для изучения специфики гендера в башкирском языке были применены методы: сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, статистического анализа. *Результаты.* В ходе лингвистического анализа было выявлено, что значение пола (гендера) в башкирском языке раскрывается лексико-семантическим (гендерно маркированными лексемами, с помощью слов-определителей) и деривационным способами. Семантика мужского и женского пола в башкирском языке раскрывается в таких лексико-семантических группах, как термины родства, семейные отношения, наименования профессий, антропонимы. Мужской и женский пол в башкирском языке репрезентируются в основном отдельными разнокорневыми лексемами. Однако существуют и некоторые термины родства и антропонимы, обозначающие лиц женского пола, которые образованы от мужских наименований. Такое же явление наблюдается и в заимствованных названиях профессий, когда женская специальность образуется от мужской формы с помощью аффикса -ә. В исконной лексике половая дифференциация по профессиональной принадлежности отсутствует. Здесь для конкретизации пола человека употребляются слова-определители, содержащие гендерную семантику: *катын* 'женщина', *ир* 'мужчина', *анай* 'сестра, тетя', *кыз* 'девушка' и др. *Выводы.* В результате проведенного исследования было выявлено, что в башкирском языке имеются явные гендерные асимметрии, так как слов, раскрывающих понятие «мужчина» и «мужской», гораздо больше, чем лексем, раскрывающих понятие «женщина» и «женский». Это говорит об андроцентричности башкирского языка.

Ключевые слова: гендерная лексика, башкирский язык, антропонимы, профессия, семейный статус, возраст, андроцентричность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-323.2020.6 «Этнокультурная специфика гендерной лексики (на примере сравнительно-сопоставительного анализа русского и башкирского языков)».

Для цитирования: Ишкильдина Л. К. Репрезентация гендера в лексической системе башкирского языка // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 766-778. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

UDC 81'373

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Lexical System of the Bashkir Language: Representing Gender

*Linara K. Ishkildina*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ishkildina L. K., 2020

Abstract. Introduction. The Bashkir language — like other Turkic languages — contains no category of grammatical gender explicitly associated with the gender of animate nouns. There are only lexical means of gender designation. *Goals.* In this regard, the article attempts to study features of the lexical means employed to represent sex (gender) in the Bashkir language. *Materials and Methods.* The insight into specifics of gender in the Bashkir language includes the use of certain research methods, such as the method of continuous sampling, the comparative one, and that of statistical analysis. *Results.* The linguistic analysis reveals that the meaning of sex (gender) in the Bashkir language is manifested by lexical-semantic (gender-marked lexemes, with qualifier words) and derivational means. Semantics of male and female gender in Bashkir discourse is to be traced in such lexical and semantic groups as terms of kinship, family relations, names of professions, anthroponyms. Basically, gender in the Bashkir language is represented by separate multi-root lexemes. However, there are also some kinship terms and anthroponyms denoting females which are derived from masculine names. The same phenomenon is observed in borrowed names of professions when a female specialty term derives from a masculine form with the aid of the affix -ə. In the original vocabulary, there is no gender differentiation according to professional affiliation. Here, to concretize a person's gender qualifier words that contain gender semantics — *qatyn* 'woman', *ir* 'man', *apaj* 'sister, aunt', *qyδ* 'girl', and others — are used. The study emphasizes there are obvious gender asymmetries in the Bashkir language since resulting from the prevalence of words to express the concepts 'man' and 'masculine', and the lack of lexemes representing the concepts 'woman' and 'feminine'. This attests to androcentricity of the Bashkir language.

Keywords: gender vocabulary, Bashkir language, anthroponyms, profession, marital status, age, androcentricity

Acknowledgments. The reported study was granted by the President of the Russian Federation (Young Scientists Support Program), project no. MK-323.2020.6 'Ethnocultural Specifics of Gender Vocabulary: Comparative Analysis of Russian and Bashkir Languages'.

For citation: Ishkildina L. K. Lexical System of the Bashkir Language: Representing Gender. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 766-778. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Введение

В последние годы в российском языкознании активно развивается новая междисциплинарная область исследований, называемая «гендерная лингвистика» или «лингвистическая гендерология».

Категория *gender* была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. и использовалась сначала в истории, историографии, социологии и психологии, а затем была заимствована в лингвистику, оказавшись плодотворной для прагматики и антропоориентированного описания в целом [Кирилина 1999: 5].

В современных гуманитарных исследованиях термин *гендер* означает «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская 2005: 112]. В отличие от физического (природного) понимания пола, где мужчина и женщина отличаются набором анатомических и физиологических признаков, понятие *гендер* включает в себя социокультурные, психические, поведенческие и другие особенности. Следовательно, в научной литературе разграничиваются понятия *биологический пол* и *социальный пол*. Если термин *пол* (*sexus*) включает в себя понятия «мужчина» и «женщина», то *гендер* имеет дело с понятиями «мужественность» («маскулинность») и «женственность» («фемининность»). Тем самым термин *гендер* в лингвистике понимается как языковая составляющая половой идентичности человека, его проявления в различных речевых дискурсах и т. д.

Наличие противопоставленных гендерных групп (мужчин и женщин), являющихся в обществе носителями характеристик «мужественности» и «женственности», иногда ошибочно обосновывается, с одной стороны, наличием соответствующих контрастных групп грамматической категории рода в языках (мужского и женского), а с другой стороны, наличием двух социальных групп — мужчин и женщин, выделяемых на основании их роли в воспроизведении и воспитании потомства [Васильева 2013: 40]. Иными словами, в индоевропейских

языках, где существует категория рода, разграничиваются понятия биологического пола (*sexus*), грамматического рода (*genus*) и гендера (*gender*). Дихотомия «мужской/женский» не соотносится с грамматической категорией рода, так как к мужскому и женскому роду могут относиться существительные, которые и вовсе не имеют пола (ж. р. *ложка, вилка* — м. р. *нож, стол*), а также одушевленные существительные, у которых половые различия не обозначены (ж. р. *змея, куница* — м. р. *жираф, крокодил*) и т. д.

С. А. Крылов для разделения понятия «пол» от грамматической категории рода применяет термин «семантический род»: «Существует так называемый „пол“, который представляет собой противопоставление двух „лексико-грамматических“ или „derivационных“ подклассов существительных (авт. т. е. оппозиция „мужской“ и „женский“»)» [Крылов 2010: 341]. Таким образом, категория рода, основными функциями которой являются выражение синтаксических связей и классификация существительных, не эквивалентна семантической категории пола, хотя мужской и женский род одушевленных существительных в своем большинстве относится к соответствующему полу.

В последние годы в башкирском языкознании также начали обращать внимание на проблему языка и пола (гендера). В отдельных статьях были рассмотрены следующие вопросы: гендерный аспект возрастных категорий [Фатыхова 2001]; гендерные особенности башкирских антропонимов [Ягафарова 2009], вербализация концептов «мужчина» и «женщина» в башкирских народных песнях [Хакимьянова 2015], отражение гендерных стереотипов в башкирских пословицах и поговорках [Бускунбаева 2019].

Актуальность изучения гендерного фактора в башкирском языке определяется актуальностью самого гендерного направления в языкознании, а также недостаточной разработанностью общетеоретических основ предмета, отсутствием системных гендерных исследований в башкирском языкознании.

В тех языках, где отсутствует грамматическая категория рода, является особо важным изучение способов реализации семантической категории пола.

Значимость вышеописанной проблемы обозначила *цель* данной статьи — исследование способов репрезентации гендера в лексической системе башкирского языка с привлечением материала русского языка для раскрытия общелингвистических и специфических явлений.

Для анализа гендерной лексики башкирского языка были использованы: метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный, а также статистический.

Материалом для исследования «мужской» и «женской» лексики выступили лексикографические источники башкирского и русского языков: «Башкирско-русский словарь» (1996), «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах (2011–2018), «Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий» Р. А. Сулеймановой, словарь «Башкирские имена» Т. Х. Кусимовой и С. А. Биккуловой, «Справочник личных имен народов РСФСР», «Словарь русских личных имен» А. В. Суперанской и др. [АСБЯ 2011; БРС 1996; Сулейманова 2013; Кусимова, Биккулова 2000; Справочник 1987; Суперанская 1998].

Гендер в разных языках

Как известно, семантическая категория пола имеет непосредственную связь с грамматической категорией рода в некоторых языках. «Необходимо учитывать ... ту спаянность, которая существует в языковой деятельности между родом и отношением к полу. Фактически показатель женского рода у одушевленных существительных в большинстве случаев является вместе с тем сигналом значения принадлежности к женскому полу, а показатель мужского рода у одушевленных существительных связан либо с указанием на мужской пол, либо с возможностью предметной отнесенности как к мужскому, так и к женскому полу» [Бондарко 1976: 37].

Традиционные названия трех родов в классических индоевропейских языках — «мужской», «женский» и «средний» — отражают отношения, сложившиеся в традиционной грамматике между полом и родом [Гришина 1996: 5]. Средний род — это чи-

сто грамматическая категория, которая не соотносится семантически с половой принадлежностью лица, как у одушевленных имен существительных мужского и женского рода (*отец, дядя – мама, тетя*). В основном к среднему роду относятся неодушевленные имена существительные, у которых начальная форма в именительном падеже в единственном числе имеет окончания *-о* или *-е*: *молоко, озеро, счастье, море* и др.

Грамматическая категория рода в индоевропейских языках выполняет «три основные функции: семантико-символическую, морфологическую (оформление имени и разные типы склонения) и синтаксическую (согласовательную)» [Словарь гендерных терминов 2002: 67]. При персонификации грамматический род слова осмысливается как пол человека. В реализации гендера участвуют семантико-символическая (лексическая) и синтаксическая функции.

В русском языке «пол» или, как называет его С. А. Крылов, «семантический род» выражается: 1) *лексически*: а) лексико-семантически в предметном слове (*дочь, сын, отец, мать ...*); б) семантически в предикатном слове (*беременна, ожидает ребенка, в декретном отпуске ...*); в) семантически сочетаемостью предикатного слова (*хорошенькая*); 2) *грамматически*: а) согласовательно: выраженный атрибутивным согласованием (*бедный строта* vs. *бедная сирота; одаренный юноша*); выраженный предикатным согласованием (*сирота шел* vs. *сирота шла; юноша шел*); выраженный анафорическим согласованием (*Коваленко ... он* vs. *Коваленко ... она*); выраженный деклинационно (*Иванов* vs. *Иванова*); выраженный деривационно (*полячка*) (см.: [Крылов 2010: 342–343]).

В тюркских языках, в число которых входит башкирский язык, грамматическая категория рода отсутствует. Однако это не говорит о несуществовании семантической категории пола в данных языках (см.: [ГСБЛЯ 1981: 100–101]).

«Следует отметить, что понятие пола является свойством, присущим внутренней структуре всех человеческих языков, однако не все языки обладают грамматической категорией рода» [Гришина 1996: 5]. Если в русском языке наличие категории грамматического рода позволяет выражать пол человека в первом, втором и третьем лице, то в

башкирском языке номинация лиц по половому признаку не находит грамматического проявления как в тексте, так и в ситуативной речи. Например: рус. *Я сделал* (м.) или *Я сделала* (ж.) — башк. *Мин эшләнем*; рус. *Он сказал* (м.) и *Она сказала* (ж.) — башк. *Ул әйтте* и т. д. В башкирском языке о гендерной принадлежности автора текста можно узнать только по имени — при условии, что оно указано в самом тексте или догадаться по смыслу текста при анонимности. В устной речи осуществляется визуальная (мы видим, кто перед нами) или аудиальная (по голосу) идентификация личности. Если речь идет о третьем лице, то определение личности (в том числе и ее пола) происходит только лексически: *Азалия килде* ‘Азалия пришла’ — *Азат килде* ‘Азат пришел’, *әсәй әйтте* ‘мама сказала’ — *атай әйтте* ‘отец сказал’ и т. п.

Категория пола

Категория пола в башкирском языке выражается:

1) *лексико-семантически*, с помощью гендерно маркированных лексем: *кыз* ‘девушка’ — *егет* ‘парень’, *ир* ‘мужчина’ — *катын* ‘женщина’, *әбей* ‘бабушка’ — *бабай* ‘дедушка’, *һарык* ‘овца’ — *тәкә* ‘баран; название самцов мелкого рогатого скота’, *һыйыр* ‘корова’ — *үгез* ‘бык’, *тауык* ‘курица’ — *әтәс* ‘петух’ и т. д. Данный способ аналогичен русскому языку, где также существуют пары слов, определяющих пол у одушевленных имен: *мальчик* — *девочка*, *бабушка* — *дедушка*, *курица* — *петух*, *корова* — *бык*, *тигр* — *тигрица* и др.;

2) *аналитически*, с помощью слов-определителей: *катын кеше* ‘женщина’ — *ир кеше* ‘мужчина’, *укуысы кыз* ‘школьница, ученица’ — *укуысы малай* ‘школьник, ученик’, *укытыусы апай* ‘учительница (досл. ‘тетя учитель’)’ — *укытыусы агай* ‘учитель (досл. ‘дядя учитель’)’ и т. д. В большинстве случаев названия живых существ не имеют разделения по половому признаку (*куян* ‘заяц’, *тейен* ‘белка’, *айыу* ‘медведь’, *күгәрсен* ‘голубь’ и т. д.), и для конкретизации пола одушевленных существ используются такие определяющие слова, как *инә* ‘самка’, *ата* ‘самец’. Примеры: *инә каз* ‘гусыня’ — *ата каз* ‘гусак’, *инә корт* ‘пчела-матка’ — *ата корт* ‘трутень’ и т. д. В русском языке также имеется «ряд

существительных, обозначающих животных, у которых различие самки и самца не обозначено: *муравей*, *дельфин*, *леопард* — существительные мужского рода, *белка*, *куница*, *змея* — существительные женского рода. Чтобы указать на пол живого существа, в подобных случаях используют описательную конструкцию, включающую слово, где грамматическая категория рода и семантическая категория пола совпадают, например: *самка леопарда*, *самец белки*» [Беляева 2002: 11].

3) *деривационно*, т. е. с помощью присоединения аффиксов: *ейән* ‘внук’ — *ейәнсәр* ‘внучка’, *коза* ‘кум’ — *козағый* ‘кума’, *ғалим* ‘ученый’ — *ғалимә* ‘ученая’. Разграничение мужского и женского пола деривационным способом характерно и для некоторых антропонимов: *Ғәлим* — *Ғәлимә*, *Илнар* — *Илнара*, *Наил* — *Наилә* (данный способ подробнее описан в следующих подразделах).

Термины родства

Наиболее гендерно детерминированной группой лексем в системе любого языка, на наш взгляд, является терминология, выражающая родственные отношения.

В башкирском языке термины родства могут быть этимологически разнокорневыми: *әсәй* — *атай* ‘мать — отец’, *кыз* — *ул* ‘дочь — сын’, *өләсәй* — *олатай* ‘бабушка — дедушка’, *катын* — *ир* ‘жена — муж’ и др.

Существуют и однокорневые термины, когда женский пол образуется путем присоединения специальных аффиксов к лексемам мужского пола: а) аффикс *-са*, *-сә*: *коза* ‘сват’ — *козаса* ‘сваха (молодая)’, *бей* ‘бей’ — *бисә* ‘жена, женщина’; б) аффикс *-ым*, *-ам*: *хан* ‘хан’ — *ханым* ‘ханша’, *бик*, *бәк* ‘бек’ — *бикәм* ‘старшие сестры мужа (по отношению к невесте, снохе)’; в) аффикс *-сар*, *-сәр*: *ейән* ‘внук’ — *ейәнсәр* ‘внучка’, *бүлә* ‘правнук’ — *бүләсәр* ‘правнучка’, *тыуа* ‘праправнук’ — *тыуасар* ‘праправнучка’; г) аффикс *-ғый* в единичном случае: *коза* ‘сват’ — *козағый* ‘сватья, сваха (мать невестки, зятя, а также жёны других сватов по отношению друг к другу)’. Следует отметить, что данные аффиксы являются малопродуктивными.

Для русского языка также характерно образование терминов родства женского

пола от мужского: *сват* — *сваха*, *кум* — *кума*, *внук* — *внучка*, *тесть* — *теща*, *свекор* — *свекровь*, *свояк* — *свояченица* и др.

Образование лица женского пола может осуществляться еще и путем словосложения, когда к форме мужского пола присоединяется лексема *бикә* 'уст. госпожа, бабыня': *кайны* 'тесть, свекор' — *кайенбикә* 'старшая свояченица; старшая золовка'; *ошта* 'мастер, умелец' — *оштабикә* 'уст. жена муллы'; *хан* 'хан' — *ханбикә* 'ханша', *хужа* 'хозяин' — *хужабикә* 'хозяйка', *бай* 'богач' — *байбикә* 'уст. жена бая'.

Наименования профессий

Если в современном русском языке названия профессий в большинстве случаев имеют и мужскую, и женскую форму¹, то в башкирском языке они не имеют половой соотнесенности: рус. *учитель* (м.) / *учительница* (ж.) — башк. *уҡытыусы*, рус. *продавец* (м.) / *продащица* (ж.) — башк. *һатыусы*, рус. *художник* (м.) / *художница* (ж.) — башк. *рәссам*, рус. *ученик* (м.) / *ученица* (ж.) — башк. *уҡыусы*, рус. *ткач* (м.) / *ткачиха* (ж.) — башк. *туҡыусы* и т. д. Для половой дифференциации в башкирском языке используются гендерно маркированные слова-определители: *уҡытыусы апай* 'учительница, досл. тетя учитель', *уҡытыусы ағай* 'учитель, досл. дядя учитель', *эшсе катындар* 'женщины-рабочие', *языусы катын* 'писательница' и др.

Исторически названия женских форм профессий в русском языке произошли от мужских форм: *артист* — *артистка*, *акушер* — *акушерка*, *буфетчик* — *буфетчица*, *повар* — *повариха* и др. Данное явление связано с реалиями жизни, так как в профессиональной деятельности мужчинам принадлежало и принадлежит неоспоримое первенство. «Тематическая группа наименований лица по профессии или роду деятельности подразумевает в качестве денотата мужчину (например: *врач*, *критик*, *менеджер*). Однако, обозначая лиц женского пола, эти существительные легко сочетаются с фор-

мами женского рода прошедшего времени глаголов, например: *врач пришла*, *директор сказала*, *менеджер решила*. Они также легко заменяются местоимением *она*» [Беляева 2002: 12].

Как отмечает А. А. Брагина, в таких случаях, где лица женского пола по специальности обозначаются в мужском роде, акцент в речи или тексте делается не на роде-поле как таковом, а на информации о профессии. «Однако когда ситуативно необходимо выделить, что действующее лицо — женщина, язык находит и лексические, и грамматические средства дифференциации» [Брагина 1981: 70].

Тем самым функционирование наименований профессий большей частью в мужском роде, а также образование женских форм от мужских, говорит об андроцентричности данной группы лексем в русском языке, в отличие от башкирского языка, где названия профессий имеют нейтральный статус.

Исключение в башкирском языке составляют лексемы арабского происхождения, в которых название женской профессии образуется от мужского с помощью аффикса *-ә*: *табиб* 'врач' — *табибә* 'женщина-врач', *ғалим* 'ученый' — *ғалимә* 'ученая', *мәғаллим* 'уст. обучающий; учитель, преподаватель' — *мәғаллимә* 'уст. обучающая, учительница', *талип* 'студент' — *талибә* 'студентка', *шағир* 'поэт' — *шағирә* 'поэтесса', *әзип* 'писатель, литератор' — *әзипә* 'писательница' и др.

В наименованиях профессий, заимствованных из русского языка, гендерные показатели отсутствуют, т. е. употребляется только одна форма слова по отношению к обоим полам: рус. *артист* / *артистка* — башк. *артист*, рус. *аппаратчик* / *аппаратчица* — башк. *аппаратсы*, рус. *буфетчик* / *буфетчица* — башк. *буфетсы*, рус. *летчик* / *летчица* — башк. *летчик*, рус. *манекеник* / *манекеница* — башк. *манекенсы* и др. Здесь также для конкретизации пола могут употребляться слова-определители — *ир* 'мужчина', *катын* 'женщина', *кыз* 'девушка' и др.: *артист ир* 'артист', *артист катын* 'артистка', *аппаратсы катын* 'аппаратчица', *буфетсы ағай* 'буфетчик', *журналист кыз* 'девушка-журналист' и т. д.

В собственно башкирской лексике гендерная детерминированность профессий

¹ Здесь мы не углубляемся в проблему номинаций мужского и женского полов по профессиональной принадлежности в русском языке, так как эта проблема достаточно глубоко изучена в русском языкознании. Например: [Богословский 1913; Моисеев 1967; Закупра 1973; Васильева 1971; Воронцова 1982; Яковлева 2009; и др.].

осуществляется **ассоциативно**, т. е. когда определенный вид деятельности приписывается мужчинам или женщинам по стереотипным суждениям. Иначе говоря, когда в обществе принято считать, что представителем того или иного рода деятельности может выступать только один пол — мужской или женский, хотя они также грамматически не выделяются. Это так называемая «мужская» или «женская» профессия или род занятий, которым могут заниматься представители определенного пола.

К лексическим единицам, обозначающим только женщин по роду деятельности в башкирском языке, относятся следующие: *бәйләүсе* 'вязальщица', *сигеүсе* 'вышивальщица', *һауынсы* 'доярка', *тегенсе* 'ткачиха', *кендек инәйе (әбейе)* 'повитуха', *тәрбиәсе* 'воспитательница', *бала караусы* 'няня, нянька', *йыйыштырыусы* 'уборщица', *өй хужабикәһе* 'домохозяйка'. Данные виды деятельности относятся к «чисто женским» в ассоциативном плане, как и в русском языке.

Лексемы, характеризующие только мужчин по роду деятельности в башкирском языке: *айыусы* 'медвежатник', *аусы* 'охотник, рыбовод', *атыусы* 'стрелок', *балтасы* 'плотник', *балыксы* 'рыбак', *диңгезсе* 'моряк', *көтөүсе* 'пастух', *итексе* 'сапожник', *(йөк) тейәүсе* 'грузчик', *карауылсы* 'охранник, сторож', *кыугынсы* 'погонщик; сплавщик; гуртовщик', *танкист* 'танкист', *ташсы* 'каменщик', *күнсә* 'кожевник', *тире эшкәртеүсе* 'скорняк; овчинник', *тимерсе* 'кузнец', *тиресе* 'кожевник; сборщик шкур', *тирмәнсе* 'мельник', *төзөүсе* 'строитель', *умартасы* 'пчеловод, пасечник', *һаксы* 'охранник', *һунары* 'охотник', *һалдат* 'солдат', *хәрби кеше (хезмәткәр)* 'военный' и др. Не все перечисленные профессии актуальны в наше время. Большинство из них представляет собой устаревший род занятий, который был связан с бытом и образом жизни древних башкир, а именно с охотой, скотоводством, сплавом деревьев, кожевенным ремеслом и т. д.

Профессии, связанные с вождением какого-либо транспорта, традиционно считаются мужскими как в башкирской, так и в русской культуре: *тракторсы* 'тракторист', *комбайнсы* 'комбайнер', *машинист* 'машинист', *экскаваторсы* 'экскаваторщик' и др. Здесь мы имеем в виду именно внутрен-

нюю семантику мужских профессий, а не их практическую реализацию. Так как в советское время, особенно в годы войны, женщины работали трактористками, комбайнерами и др., что было вызвано требованием времени. В современной жизни данные профессии вновь стали «мужскими».

В башкирском языке существуют *специфические* наименования рода деятельности, являющиеся наследием тюркского мира и сохраняющиеся по сей день: *өзләүсе* 'человек, владеющий горловым пением', *курайсы* 'кураист', *кумызсы* 'кобызист', *бешкәк-се* 'человек, который взбивает кумыс', *кымызсы* 'кумысол'.

Как показывает лингвистический анализ, мужской профессией в башкирском языке считается деятельность, требующая физической силы, выносливости, точности, меткости и т. д. В количественном отношении названия мужских профессий преобладают над женскими, что связано с традиционным разделением труда по половому признаку. Сферой мужской деятельности является разнообразная и многочисленная «внедомашняя» работа. Женская жизнедеятельность издревле была связана с домашними обязанностями: содержанием дома, огорода, рождением и воспитанием детей и др.

Таким образом, в башкирском языке наименования профессий проявляют количественную асимметрию в пользу мужского пола.

Семейный статус

Гендерная детерминированность проявляется также в лексике, определяющей лиц пола по семейному статусу.

В башкирском языке функционируют следующие слова, обозначающие женщин по семейному статусу: *кыз* 'дочь', *апай* 'сестра', *кәләш* 'невеста; молодая жена', *килен* 'невестка', *козаса* 'сватья (младшая сестра, родственница невестки или зятя)', *козагый* 'сватья, сваха (мать невестки, зятя)', *кәйенһеңле* 'золовка (младшая сестра мужа)', *әсәй* 'мама', *өләсәй* 'бабушка', *инәй* 'тетя', *балдыз* 'младшая свояченица', *бисә* 'жена', *хатын* 'женщина, жена', *тол (катын)* 'вдова', *кәйнә* 'свекровь; теща', *кәйенбикә* 'старшая свояченица; старшая золовка', *үгәй әсәй* 'мачеха', *апалы-һеңле* 'собир. сестры'.

Лексические единицы, характеризующие мужчин по семейному статусу: *ул* 'сын', *агай* 'брат', *ир* 'мужчина, муж', *кусты*, *эне* 'младший брат', *буйзак* 'неженатый мужчина, холостяк', *кейәү* 'жених; зять; молодой муж', *атай* 'отец', *үгәй ата* 'отчим', *апа* 'дядя, олатай дедушка', *коза* 'сват (отец невестки, зятя или их родственники)', *кәйнеш* 'деверь', *бажа* 'свояк (муж сестры жены)', *тол ир* 'вдовец', *кайны* 'свекор; тесть', *кайнага* 'старший брат мужа или жены по отношению к жене или мужу', *олатай*, *картатай* 'дедушка', *агай-эне* 'собира. родственники, родня мужского пола'.

В отличие от русского языка, в башкирском языке понятия *свекровь* и *теща*, а также *свекор* и *тесть* не разграничиваются, а обозначаются одним словом — *кәйнә* и *кайны* соответственно, хотя в говорах они могут различаться.

В русском языке нет отдельного наименования *старшего* и *младшего брата*, а также *старшей* и *младшей сестры*: они конкретизируются с помощью прилагательных *старший(ая)*, *младший(ая)* или уменьшительных суффиксов: *братишка*, *сестренка*. В башкирском языке братья и сестры по старшинству имеют отдельные обозначения: старший брат — *агай*, младший брат — *кусты*, *эне* или *туган*; старшая сестра — *апай*, младшая — *һеңле*, *һылыу*, *кыз туған*, *карындаш*.

Пол и возраст

В башкирском языке находят отражение и биосоциальные ритмы жизни мужчин и женщин, которые по-разному репрезентируются в языке.

Как отметила этнолог Ф. Ф. Фатыхова, «Соответственно устойчивым культурным стереотипам в башкирской традиционной культуре четко выделяются гендерные различия в периодизации жизненного цикла человека» [Фатыхова 2001: 347]. Она пишет, что категоризация женщины в башкирском языке имеет большую социально-возрастную дифференциацию, чем мужчины. Так, в обозначении девушки применяются описательные слова, в которых закладываются значения возраста, социального статуса, репродуктивные функции. В начале совершеннолетия девушку называют *үскән кыз* 'подростая девушка', в пике совершенно-

летия — *еткән кыз* 'созревшая девушка' и *кейәүгә бирерлек кыз* 'девушка на выданье'. В конце совершеннолетия, если девушка не выходила замуж, ее относили к категориям *карт кыз* 'старая дева', *ултырган кыз* 'засидевшаяся девушка'. После заключения брака для обозначения зрелости использовалось слово *катын* 'женщина, жена', а категория «старость», подразумевавшая неспособность женщины рожать, обозначалась словами *әбей* и *карсык* [Фатыхова 2001: 347–351].

У мужского пола нет такой детальной возрастной дифференциации в языке, связанной с периодом полового созревания и женитьбой. В малом возрасте они обозначаются лексемой *малай* 'мальчик', в подростковом возрасте — *үсмер* 'подросток', *үсмер малай* 'мальчик-подросток', в юном и молодом возрасте — *егет* 'юноша, молодой человек'. Женатый мужчина — *ир*, *кейәү*.

Для сравнения мы приводим более подробное возрастное деление мужского и женского пола в башкирском языке.

1. Лексические единицы, репрезентирующие женский пол по возрасту:

— младший возраст: *кыз* 'девочка', *кыз бала* 'девочка'.

— девичество или юный возраст, т. е. период до замужества, а также состояние девушки, не вступавшей в брачные отношения: *кыз* 'девушка', *йәш кыз* 'юная девушка', *үсмер кыз* 'подросток', *еткән (етек) кыз* 'взрослая (совершеннолетняя) девушка', *кейәүгә бирерлек кыз* 'девушка на выданье', *карт кыз* 'старая дева', *ултырган кыз* 'засидевшаяся девушка, старая дева'.

— молодой возраст, связанный с замужеством и репродуктивной функцией: *кәләш* 'молодая жена', *йәш катын* 'молодая женщина, жена', *катын* 'женщина, жена';

— пожилой возраст, когда репродуктивный возраст окончен: *оло катын* 'старая женщина'; *әбей*, *карсык* 'старуха'.

В детальной периодизации возраста девушки (*кыз*) отразилось особое отношение народа к периоду ее созревания и вступления в брак, так как с ее основной жизненной функцией — ролью жены и матери — связано будущее народа. Значимость именно юного (репродуктивного) возраста девушки фиксируется и в паремиологических единицах: *һуқыр булһа ла*, *кыз якшы* 'хоть и сле-

пая, но лучше девушка (чем женщина)', *йәш кыз алыу йәшәртә* 'молодая жена молодит (своего мужа)', *катын алмак — кыз алмак* 'если жениться, то на молодой девушке' [БНТ 1980] и др.

2. Лексические единицы, обозначающие мужской пол по возрасту:

– младший возраст: *ир бала*, *малай* 'мальчик';

– юный и молодой возраст: *үсмер*, *йәш үсмер* 'подросток', *егет*, *йәш егет* 'юноша, молодой парень';

– молодой возраст, связанный с женитьбой: *кейәү* 'жених; зять; молодой муж в первые годы брака', *ир* 'мужчина, муж', *йәш ир* 'молодой мужчина, молодой муж';

– пожилой возраст: *оло ир* 'пожилой мужчина', *бабай*, *карт* 'старик'.

Интересно отметить то, что младенческий возраст ребенка не имеет половой дифференциации в башкирском языке: *сабый* 'младенец, дитя', *бәпәй / бәпес* 'ребёнок, дитя; малыш', *бала* 'ребенок, дитя', *тәнәй* 'малютка, младенец', *нараси* 'уст. книжн. ребёнок, младенец'. Данное явление характерно и для русского языка: *малыш, малютка, младенец, дитя, ребенок*.

Антропонимы

Исследование башкирских антропонимов проводилось многими башкирскими лингвистами, которые отмечали различия в семантике, структуре и компонентах женских и мужских имен [Кусимова, Биккулова 2000; Сулейманова 2006; Раемгузина 2009; и др.]

Антропонимика как отдельный раздел ономастики нацелена на определение специфики функционирования имен в человеческой речи, где гендерные различия проявляются, прежде всего, в разграничении антропонимических единиц по признаку *masculine* (англ. 'мужской') и *feminine* (англ. 'женский') [Сысоева, Чечина 2017: 68].

Особенностью антропонимии является то, что, в отличие от других лексико-семантических групп, в антропонимах наблюдается классификация по родовым (половым) признакам. Для личных имен существует номенклатура мужских и женских имен [Ягафарова 2009: 196].

Мужские и женские имена в башкирском языке разграничиваются как по семантике, так и структуре (морфологии).

В этимологии башкирских женских имен представлены в основном значения красоты, нежности, хрупкости, изящества и т. д. В большинстве случаев в их основе лежат названия цветов. В качестве компонентов чаще выступают апеллятивы *сибәр*, *гүзәл*, *һылыу* 'красивая', названия небесных тел: *ай* 'луна', *кояш*, *көн* 'солнце' и т. д. Примеры: *Айгөл*, *Азалия*, *Вәсилә*, *Вилиә*, *Гөлзифа*, *Гөлсибәр*, *Гөлсинә*, *Гөлсәм*, *Гөлнара*, *Гүзәл*, *Гәлсәр*, *Лилиә*, *Ләйсән*, *Нәфисә*, *Фатима*, *Фаягөл* и т. д.

В основе мужских имен лежат понятия силы, храбрости, выносливости и т. д., что связано со стереотипным мышлением народа, которое выделяет в мужчинах физическую и духовную силу, свободолюбие, материальное благосостояние и т. п. Поэтому в мужских именах присутствуют такие компоненты, как *тимер* 'железо', *булат* 'булат', *бай* 'богатый': *Айбулат*, *Айгизәр*, *Азат*, *Азамат*, *Байбулат*, *Батыр*, *Баязит*, *Биктимер*, *Сынтимер*, *Тимербулат* и т. д. Особым компонентом мужских антропонимов являются термины власти *хан* 'хан', *солтан* 'султан': *Нурсолтан*, *Тимерхан*, *Хантимер*, *Солтанбай* и т. д. «Раньше, имена с компонентами *хан*, *султан* давались потомкам знатных людей. Однако позже они все перемешались и потеряли статус социальности» [Сулейманова 2006: 27].

Основные гендерные различия антропонимов в башкирском языке выражаются фонетически: мужские имена оканчиваются в основном на согласные, а женские — на гласные звуки *-а*, *-ә* или компонент *-иә* (в орфоэпии *-ийә*). Ср.: м. — *Айзар*, *Айнур*, *Булат*, *Илгиз*, *Кәрим*, *Морат*, *Марат*; ж. — *Альфира*, *Миңзифа*, *Эльвира*, *Зилә*, *Әлиә*, *Лилиә*, *Вилиә*, *Зөлфиә* и т. д. Однако существуют исключения, когда мужские имена заканчиваются на гласный, а женские — на согласный звук, например: (м.) *Абдулла*, *Файса*, *Кинйә*, *Әхмәзулла*, *Сәғизулла* — (ж.) *Айһылыу*, *Гөлдәр*, *Гөлнәз*, *Гөлийемеш*, *Гөлсирен*, *Дилбәр*, *Зөбәржәт* и др.

Аналогичное явление характерно и для русского языка: полные формы мужских имен оканчиваются на согласный, а женские — на *-а*, *-ия*: *Андрей*, *Егор*, *Виктор*, *Федор*, *Иван* — *Александра*, *Мария*, *Анастасия*, *Людмила* и т. д.

В башкирском языке существуют так называемые «парные имена», когда жен-

ская форма имени образуется от мужского с помощью окончания *-а* или *-ә*: *Айгиз — Айгизә, Наил — Наилә, Рәсим — Рәсимә, Камил — Камила, Илнар — Илнара, Илгиз — Илгизә, Сәлим — Сәлимә, Сабир — Сабира, Флорид — Флорида, Фәтих — Фәтиха* и т. д.

Парные имена употребляются и в русском языке: *Александр — Александра, Евгений — Евгения, Валерий — Валерия, Виктор — Виктория, Валентин — Валентина* и др. [Петровский 2017].

В башкирском языке в порядке исключения функционируют также гендерно не маркированные антропонимы, которые являются общими для женского и мужского пола: *Айназ, Алтынай, Акийондоз, Баян, Сулпан, Фирзәүес*. Что примечательно, эти имена имеют форму «маскулинности», так как оканчиваются на согласный и выступают в твердояральной форме (кроме *Фирзәүес*). В русском языке такую унифицирующую функцию выполняют краткие формы некоторых имен: *Александр, Александра — Саша, Шура; Евгений, Евгения — Женя; Валентин, Валентина, Валерий, Валерия — Валя; Николай, Никита, Вероника, Моника — Ника* и др. [Петровский 2017: 11]. Сокращенные имена в русском языке имеют признак «фемининности»: оканчиваются на гласные.

В статистическом плане проявляется тенденция к *андроцентричности* антропонимов, поскольку мужских имен больше, чем женских как в башкирском, так и в русском языках. Например, в словаре «Башкирские имена» Т. Х. Кусимовой и С. А. Биккуловой [Кусимова, Биккулова 2000] насчитывается 3 000 мужских и 1 000 женских имен, в «Башкирско-русском словаре-справочнике личных имен и фамилий» Р. А. Сулеймановой [Сулейманова 2013] представлено около 3 600 мужских и 1 200 женских имен.

В русском языке мужские имена в количественном плане также преобладают: в «Справочнике личных имен народов РСФСР» [Справочник 1987] насчитываются 316 мужских и 180 — женских, в «Словаре русских личных имен» А. В. Суперанской [Суперанская 1998] — около 2 500 мужских и 1 500 женских имен.

Заключение

Исследование гендерно обусловленной лексики в башкирском языке позволило сделать следующие выводы:

1) в башкирском языке, как и в других тюркских языках, имена существительные не имеют категории грамматического рода, следовательно, в языке отсутствуют и грамматические признаки, выражающие данную категорию. Семантика пола передается в лексическом значении слова;

2) в башкирском языке существуют отдельные средства выражения пола (гендера), основными из которых являются лексико-семантический (гендерно маркированные лексемы) и аналитический (с помощью слов-определителей, содержащих семантику гендера) способы. Также для башкирского языка характерен деривационный (аффиксальный) путь образования лиц женского пола от наименований мужских форм в некоторых группах лексем;

3) семантика мужского и женского пола в башкирском языке раскрывается в таких лексико-семантических группах, как термины родства, семейные отношения, наименования профессий, антропонимы;

4) названия профессий в башкирском языке не имеют половой дифференциации, кроме арабских заимствований. Чтобы выделить половую принадлежность лица по профессиональной деятельности употребляются гендерно маркированные лексемы (аналитический способ). В башкирском языке так же, как и в русском языке, количество названий мужских профессий больше женских;

5) в башкирском языке различаются социально-возрастные дифференциации мужского и женского пола: для женского пола характерна более детальная конкретизация по возрасту, связанная с культурными стереотипами;

6) гендерно обусловленной группой лексем являются также антропонимы. Женские и мужские имена имеют свои семантические, словообразовательные и фонетические особенности. Антропонимы в башкирском языке имеют явные признаки «маскулинности» и «фемининности»: мужские имена чаще оканчиваются на согласный звук, а женские — на гласный. Существуют также гендерно нейтральные

имена (хотя они имеют явный признак маскулинности — оканчиваются на согласный звук). В башкирской антропониимии количество мужских имен превышает женские;

7) лингвистический анализ вышеназванных тематических групп лексем в башкирском языке показал значительную ассиметрию в пользу мужского пола, что говорит об андроцентричности языка.

Литература

- АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Т. 1. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- Беляева 2002 — *Беляева А. Ю.* Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 177 с.
- БНТ 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1980. 472 с. (На башк.)
- Богословский 1913 — *Богословский С. М.* Система профессиональной классификации. М.: Моск. губ. земство, 1913. 747 с.
- Бондарко 1976 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
- Брагина 1981 — *Брагина А. А.* Наблюдения над категорией рода в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 68–78.
- БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / отв. ред. З. Г. Ураксин. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 884 с.
- Бускунбаева 2019 — *Бускунбаева Л. А.* Отражение гендерных стереотипов в башкирских пословицах и поговорках // 2. Uluslararası Nevruz Zirvesi: докл. межд. симпозиума (г. Анталия, 20–23 марта 2019 г.). Antalya: Iksad Yayinevi, 2019. С. 75–78. (На башк.)
- Васильева 1971 — *Васильева Л. И.* Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 28 с.
- Васильева 2013 — *Васильева И. Б.* К вопросу о соотносительности биологического пола, грамматического рода и гендера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 39–44.
- Воронцова 1982 — *Воронцова В. Л.* Наименования лиц по профессии // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 254–271.
- Гришина 1996 — *Гришина Н. А.* Категориальный признак рода в языковой семантике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1996. 16 с.
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. А. А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Закупра 1973 — *Закупра Ж. А.* Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI вв. (строительное дело и ремесло): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973. 28 с.
- Кирилина 1999 — *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
- Кирилина, Томская 2005 — *Кирилина А. В., Томская М. В.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 112–132.
- Крылов 2010 — *Крылов С. А.* Категория рода в семантическом аспекте // Труды ИЛИ РАН. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 341–357.
- Кусимова, Биккулова 2000 — *Кусимова Т. Х., Биккулова С. А.* Башкирские имена. Уфа: Китап, 2000. 176 с. (На башк.)
- Моисеев 1967 — *Моисеев А. И.* Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований) // Вестник Ленинградского государственного университета. 1967. С. 138–139.
- Петровский 2017 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. (6-е изд.). М.: Русские словари, Астрель, 2000. 480 с.
- Раемгужина 2009 — *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: дис. ... д-ра фил. наук. Уфа, 2009. 300 с.
- Словарь гендерных терминов 2002 — Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Справочник 1987 — Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. М.: Русский язык, 1987. 656 с.
- Сулейманова 2006 — *Сулейманова Р. А.* Антропонимы в современном башкирском языке и тенденции их развития. Уфа: Гилем, 2006. 161 с. (На башк.)
- Сулейманова 2013 — *Сулейманова Р. А.* Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 364 с.

- Суперанская 1998 — *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М.; Назрань: АСТ, 1998. 521 с.
- Сысоева, Чечина 2017 — *Сысоева Е. С., Чечина И. В.* Особенности репрезентации гендера в ономастических исследованиях // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. Т. 13. Вып. 3 (37). С. 64–73.
- Фатыхова 2001 — *Фатыхова Ф. Ф.* Гендерный аспект возрастных категорий в башкирском языке // *Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: докл. Первой межд. конф. (г. Москва, 26–25 ноября 1999 г.)*. М.: МГЛУ, 2001. С. 347–351.
- Хакимьянова 2015 — *Хакимьянова А. М.* Гендерное исследование концептов «мужчина» и «женщина» в башкирских народных лирических песнях // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6–2 (48). С. 180–184.
- Ягафарова 2009 — *Ягафарова Г. Н.* Гендерные особенности башкирских антропонимов // *Чувашская ономастика: проблемы и перспективы*. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 196–200.
- Яковлева 2009 — *Яковлева А. В.* Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: семантические особенности и пути формирования: дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2009. 238 с.

References

- Belyaeva A. Yu. Men and Women. Essentials of Speech Behavior: A Case Study of Spoken Russian. Cand. Sc. (philology) thesis. Saratov, 2002. 177 p. (In Russ.)
- Bogoslovsky S. M. Professional Classification System. Moscow: Moscow Governorate Zemstvo, 1913. 747 p. (In Russ.)
- Bondarko A. V. Theory of Morphological Categories. Leningrad: Nauka, 1976. 255 p. (In Russ.)
- Bragina A. A. Russian language: observing the category of gender. *Voprosy Jazykoznanija*. 1981. No. 5. Pp. 68–78. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A. Gender stereotypes in Bashkir proverbs and sayings revisited. In: *Uluslararası Nevruz Zirvesi. Symposium Proceedings (Antaliya; March 20–23, 2019)*. Antalya: Iksad Yayınevi, 2019. Pp. 75–78. (In Bash.)
- Denisova A. A. (ed.) Dictionary of Gender Terms. Moscow: Informatsiya XXI Vek, 2002. 256 p. (In Russ.)
- Fatykhova F. F. Gender aspect of age categories in the Bashkir language. In: *Gender: Language, Culture, Communication. Conference Proceedings (Moscow; November 26–25, 1999)*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2001. Pp. 347–351. (In Eng.)
- Grishina N. A. Category Feature of Gender in Language Semantics. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Voronezh, 1996. 16 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. Gender research of the concepts 'man' and 'woman' in the Bashkir folk lyrical songs. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2015. No. 6–2 (48). Pp. 180–184. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. Vol. I. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash.)
- Kirilina A. V. Gender: Linguistic Aspects. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 1999. 189 p. (In Russ.)
- Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Linguistic gender studies. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 2 (23). Pp. 112–132. (In Russ.)
- Krylov S. A. Category of gender in the semantic perspective. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. VI. No. 2. Pp. 341–357. (In Russ.)
- Kusimova T. Kh., Bikkulova S. A. Bashkir Names. Ufa: Kitap, 2000. 176 p. (In Bash.)
- Moiseev A. I. Naming individuals by profession: semantic essentials. *Vestnik LGU*. 1967. Pp. 138–139. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folk Culture. Proverbs and Sayings. Ufa: Bashkir Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash.)
- Petrovsky N. A. Dictionary of Russian Personal Names. 6th ed. Moscow: Russkie Slovari, Astrel, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Raemguzhina Z. M. Bashkir Anthroponymicon: A Perspective from the Linguistic World-Image. Dr.Sc. (philology) thesis. Ufa, 2009. 300 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. A. Bashkir-Russian Reference Dictionary of Personal Names. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2013. 364 p. (In Bash. and Russ.)
- Suleymanova R. A. Modern Bashkir Anthroponyms and Their Development Trends. Ufa: Gilem, 2006. (In Bash.)
- Superanskaya A. V., Gusev Yu. M. (ed.) Peoples of the RSFSR: A Reference Book of Personal

- Names. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 656 p. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. Reference Book of Russian Personal Names. Moscow; Nazran: AST, 1998. 521 p. (In Russ.)
- Sysoeva E. S., Chechina I. V. Peculiarities of gender representation in onomastics studies. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. Vol. 13. No. 3 (37). Pp. 64–73. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. (ed.) Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: Digora, Russkiy Yazyk, 1996. 884 p. (In Bash. and Russ.)
- Vasilieva I. B. On question of relatedness of biological sex, grammatical gender and gender. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2013. No. 10. Pp. 39–44. (In Russ.)
- Vasilieva L. I. Denoting Individuals by Profession: Suffixal Word Formation in Russian and Ukrainian Languages. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1971. 28 p. (In Russ.)
- Vorontsova V. L. Denoting individuals by profession. In: Shmelev D. N. et al. Naming Means in Modern Russian. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 254–271. (In Russ.)
- Yagafarova G. N. Gender peculiarities of Bashkir anthroponyms. In: Petrov L. P. (ed., comp.) Chuvash Onomastics: Problems and Perspectives. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2009. Pp. 196–200. (In Russ.)
- Yakovleva A. V. Denoting Individuals by Profession in Modern Russian: Semantic Essentials and Formation Paradigms. Cand. Sc. (philology) thesis. Yaroslavl, 2009. 238 p. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. (ed.) Grammar of the Modern Bashkir Literary Language. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Zakupra Zh. A. Naming Individuals by Profession: A Case Study of 14th-16th Century Russian Written Monuments. Construction and Related Crafts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kiev, 1973. 28 p. (In Russ.)

